

БОРИС ИВАНОВ

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ
ГЕРОЙ
С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ
ОБАЯНИЕМ

Мария СПЕРАНСКАЯ
Фото Геннадия АВРАМЕНКО

Актеры, как известно, люди загадочные. Казалось бы, журналисты десятки раз пересказали их биографии, а с телевизора или газетной страницы вновь улыбается и выкладывает о себе что-то совершенно новое неизвестный человек со знакомым лицом. Народного артиста России Бориса Владимировича Иванова кто-то вспомнит как холодного и расчетливого сэра Джулиуса из "Чисто английского убийства", а кто-то как недалекого мечтателя-афериста Джиппо из "Миража", или по многим другим ролям — их в кино и театре им сыграно больше сотни. Но в сегодняшнем интервью я попросила рассказать вовсе не о работе, а о смешном и грустном в его жизни. Однако беседа неотвратимо свернула на тему профессии и творчества, ведь для актера это и есть сама жизнь.

Одесский созерцатель

У нас, у актеров, есть свои оценки событий, при этом сами события для не актера могут ничего не значить. Такое повышенное внимание к деталям, наблюдательность появились во мне довольно рано, когда никто не мог и предположить, кем я стану, повзрослев.

Я родился в Одессе, жили мы вдвоем с мамой, и я был главный ее помощник. Както, мне было тогда лет шесть-семь, мама послала меня в булочную напротив. Вместо пяти минут я вернулся часа через два, а на законный вопрос: "Где ты был?" честно ответил: "Ходил за хлебом". В следующий раз все повторилось снова, потом еще и еще. Мама очень волновалась, она Бог знает что подумала и решила проследить за мной. Оказалось, что пока я преодолеваю эти сто метров до соседнего дома, есть десятки поводов, чтобы остановиться, задуматься, знакомясь с окружающим миром. Мне было интересно все: кошка на заборе, камешки на дороге, прохожие, деревья и насекомые, ползающие по их коре. Наверное, еще тогда, маленьким мальчиком, я бессознательно понял: в жизни многое зависит от того, сколько ты видишь вокруг.

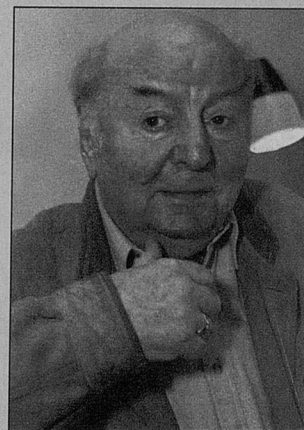
Большому кораблю —
большое плавание

Несмотря на то что я жил в портовом городе, лет до 12 не умел плавать, был рыжим, белотелым, на пляже сгорал страшно, но не загорал никогда. И самый ловкий всегда был не я. Както мы стояли на молу, это было почти в километре от берега, это было почти в километре от берега, мои друзья заявили: "Борик, ты уже большой мальчик, пора пробовать плавать. Прыгай в воду! Иначе мы тебя столкнем". Внизу перекатывались волны, и было очень страшно. Пока я представлял, как буду тонуть, мальчишки, естественно, спихнули меня вниз и тут же сами, как зайцы, попрыгали в море, крича: "Делай руками, делай руками!" Я погрел по-собачьи и с удивлением почувствовал, что вода держит меня. Так за один раз, от страха, я научился плавать.

Профессия по блату

Нашей соседкой по дому была милая женщина, солистка хора одесского Оперного театра. Ей нравилось, как я насвистывал разные мелодии, что при врожденном слухе у меня выходило очень неплохо, и она стала давать мне контрамарки на спектакли в Оперный. Вскоре, сидя на приставной скамеечке справа в конце партера, я запомнил весь ре-

пертуар, влюбился в театр и захотел в нем работать. Пройдя отбор, я занялся туда статистом, чтобы в массовках исполнять роли солдат, нищих, скоморохов — кого попросят. Мне не было тогда и четырнадцати, и это сыграло определяющую роль в моей жизни, потому что подростком я увлекся не футболом или еще чем-нибудь, а высокой музыкой. У нас, фактически еще детей, были другие игры: гримируясь в маленькой комнатке, мы наспех вспоминали сигналы и арии из опер, в которых были заняты: из "Аиды", "Трубадура", "Пиковой дамы", "Кармен", или, стоя в кулисах, переживали за солиста, в прошлый раз взявшего в "Богеме" или "Фаусте" "си-до" с петухом.

Волшебная
сила искусства

В то время в Одессе я еще застал живую публику, способную из-за событий, происходящих на сцене, терять сознание. Мы — мальчишки — следили: если за спектакль случилось два обморока — значит, сыграли хорошо, один — тоже недурно, а вот коли не было ни одного — провал! Например, в спектакле "Коварство и любовь" Русского драматического театра, где я к тому времени тоже работал статистом, должно было быть два обморока. В первом случае, когда Фердинанд просил: "Луиза, приготовь мне лимонад" и потом всыпал в бокал порошок с ядом. А второй, когда он закалывал себя в конце постановки. Дамы не выдерживали, и дежурные санитары "скорой помощи" выносили их из зрительного зала прямо на носилках.

Смех сквозь слезы

Однажды шел балет "Цыгане", музыка Василенко — до сих пор помню фамилию этого композитора, а ведь дело было году в 36—37-м. Главную роль — Олеко — играл знаменитый в то время солист балета